

У Сюэ Юаня было то, чему Гу Юаньбай завидовал, а именно свобода, которой не было у других в эту эпоху; он делал то, что хотел, и имел тело, которое могло соответствовать его талантам.

Его эмоции и темперамент были подобны огню, и если бы Гу Юаньбай был сторонним наблюдателем, он бы восхитился Сюэ Юанем за такую личность. Если бы он был в наше время, то, возможно, подружился бы с Сюэ Юанем, который поднял бокал и свободно выпил.

Но в древние времена, в феодальной династии, он был похож на главного безумца с такими бурными эмоциями.

Гу Юаньбай сильно надавил и вытащил руку.

— Если ты будешь неуважительно относиться к начальству, твои слова гинут в небытие, - сказал Гу Юаньбай, — Сюэ Юань, я много раз щадил тебя. Прости меня за твои усилия по моему спасению, за твое безрассудство при спасении моей жизни и за преданность мне твоего отца. На некоторые перегибы, которые ты совершал в повседневной жизни, я могу закрыть глаза.

— Другие люди умеют пользоваться случаем, чтобы быть все более вежливыми, наступать и отступать, чтобы угодить мне, - голос Гу Юаньбая становился все холоднее и холоднее, — но ты единственный, кто не только не умеет сдерживать себя, но и снова и снова бросает вызов нижней черте моего сердца.

— Если мне нужна твоя жизнь, зачем мне нужно показываться тебе на глаза? Ты не единственный, кто хочет сражаться за меня.

В сердце Гу Юаньбая поднялся смутный и необъяснимый гнев, который устремился к его сердцу, его рукав халата яростно развевался, когда он протянул руку и ущипнул Сюэ Юаня за подбородок, нажимая на голос:

— Любой из них был бы более послушным, чем ты.

Дыхание Сюэ Юаня участилось, тело напряглось, и из раны, которую он только что перевязал, снова потекла кровь.

Он изо всех сил старался подавить мрачность в своем сердце и улыбнулся с притворным безразличием:

— Ваше Величество, никто из них не полезен так, как я.

— От этих громких слов мне хочется смеяться, - Гу Юаньбай поджал губы и холодно рассмеялся: — Все талантливые люди попадают в королевскую семью. Насколько велик твой талант, Сюэ Юань, настолько велик, что ни один талант в мире не может сравниться с твоим?

—И насколько ты уверен в том, что никто из них не будет более предан мне, чем ты?

Сюэ Юань молчал.

Спустя долгое время он тихо вздохнул.

Гу Юаньбай подумал, что он признал свою ошибку, и отпустил его:

— Эти пятьдесят ударов сегодня - наказание за безрассудство Сюэ Цина.

— Я лишь надеюсь, что ты понял, - низкий голос Гу Юаньбая был тихим, таким приятным, что уши закладывало, но холод в его словах леденил сердце, — закон Дахэн - это не то, что можно переступить только потому, что у тебя есть талант.

Гу Юаньбай не был педантичным человеком, его мысли были даже более развиты, чем у любого другого человека в этом мире.

Однако древние законы, власть императора - все это не позволяло никому переступить через себя.

Императорская власть была превыше всего, Гу Юаньбай был императором, император должен был укреплять свою императорскую власть. Если человек не может быть наказан за ошибку, то какой сдерживающий фактор может быть у императора?

Сегодня, по какой-то причине, палец сына маркиза Анле мог быть отрезан. А завтра он не мог бы продолжить убивать других по другой причине?

Его Величество наконец сказал:

— Если пятидесяти сильных ударов недостаточно, то бейте его, пока ему не хватит.

Сказав это, Гу Юаньбай развернулся и направился к выходу.

Его лицо было столь же выразительным, как и его выражение, а его мощный напор заставлял людей внутри и снаружи комнаты не сметь даже поднять голову. Как только его ноги переступили порог, Сюэ Юань заговорил сзади.

— Ваше Величество, даже если я недостаточно талантлив, есть кое-что, что они не могут себе позволить и не смеют дать, - голос Сюэ Юаня был спокоен, — Я...

— Заткнись, - Гу Юаньбай сказал.

Сюэ Юань улыбнулся.

Пот был соленым и влажным, пачкая матрас. Запах крови становился все сильнее, но Сюэ Юань выглядел спокойнее, чем раньше.

Он подпер себя руками и посмотрел на Гу Юаньбая из жаркого и душного воздуха дома, его голос был не слишком громким, не слишком низким и ровным:

— Ваше Величество спрашивало меня раньше, почему я отказался от перевода, но я могу сказать сейчас, потому что я хочу остаться рядом с вами.

— Мое сердце радуется вам, - его голос был круто понижен, как будто доносился из далекого-далека, несколько искаженный, — любить Ваше Величество, сердце, которое никто другой не осмелился бы отдать.

Потому что следующий человек будет бояться смерти.

Все, кто услышал эти слова, с грохотом упали на колени, их колени ослабли.

По их позвоночнику пробежали мурашки, а на макушках выступил холодный пот. Слушая коварные слова Сюэ Юаня, они только жалели, что их здесь нет.

Гу Юаньбай промолчал.

В узком дворике было так много людей, но не было слышно ни единого звука. Шумные цикады непрерывно стрекотали одна за другой, призывая людей к смерти.

Двор был полон людей, которые боялись потерять свои жизни за то, что слушали эти слова.

Даже Тянь Фушэн был на взводе и нервничал.

Только спустя долгое время Гу Юаньбай сказал медленным голосом:

— Тянь Фушэн, сними этих людей.

Некоторые люди во дворе уже неудержимо дрожали, их выражения были настолько испуганными, что казалось, будто в следующее мгновение они потеряют свою жизнь.

Затем Его Величество сказал:

— Пусть они знают, что нужно помнить и что нужно забыть.

Тянь Фушэн поднялся, дрожа:

— Хорошо.

Гу Юаньбай не отвел взгляда, как будто ничего не произошло и ничего не было слышно, и продолжал выходить из маленького дворика, не меняясь в лице.

В наше время у Гу Юаньбая не было недостатка в людях, которые за ним ухаживали.

Но Сюэ Юань был особенным среди них, особенным в том смысле, что Гу Юаньбай не знал, были ли Сюэ Юань согнут его собственным смущенным поцелуем.

Если так, то он чувствовал себя виноватым, но после этого, что еще мог сделать Гу Юаньбай?

Неважно, кто нравился Сюэ Юаню, это было лучше, чем нравиться ему.

Кто бы это ни был, это было лучше, чем если бы Гу Юаньбай имел время провести с ним.

Как только Его Величество ушел, люди во дворе вздохнули с облегчением, и они сидели как парализованные, благодарные за то, что у них еще осталась жизнь.

Дома...

Сюэ Юань закрыл глаза и лег обратно на подушку, а в середине дня из середины его ладони вытек малейший след крови.

Вечером Чан Юй Янь пришел лично повидаться с Сюэ Юанем.

Он сказал успокаивающе:

— Ваш отец знает, что сделал ваш брат, и перед уходом он устроил такую сцену, лицо генерала Сюэ было очень неприятным, я думаю, пришло время снова использовать семейное право, о котором вы говорили.

<http://bllate.org/book/15154/1338916>